
Тайна
семейных часов
Елена Щеглова

Елена Щеглова Ладвищенко

Тайна семейных часов

«Автор»
2026

Ладвищенко Е.

Тайна семейных часов / Е. Ладвищенко — «Автор», 2026

Вера Соколова никогда не верила в мистику — до тех пор, пока не получила в наследство старинные часы, которые, казалось, жили своей жизнью. После смерти отца часы начинают вести себя странно: они светятся в темноте, пахнут рекой, показывают невозможное время и даже открывают потайной механизм с загадочной надписью: «Спроси у реки».Следуя за подсказками, Вера отправляется в деревню Тихое — место, о котором в её семье предпочитали молчать. Там она узнаёт, что её дед был хранителем древней тайны, связанной с рекой, способной помнить всё. Теперь этот дар перешёл к Вере, и вместе с ним — ответственность за судьбы тех, кто застрял между мирами.Но в тени прошлого скрывается нечто большее, чем семейные секреты. Древнее зло, способное стирать память и души, пробуждается, чтобы завершить начатое много лет назад. Вере предстоит не только разгадать тайну часов, но и принять свою судьбу, научиться видеть то, что скрыто от других, и найти в себе силы противостоять тьме.

© Ладвищенко Е., 2026
© Автор, 2026

Елена Щеглова Ладвищенко
Тайна семейных часов

Тайна семейных часов

Глава 1. Больничный коридор

Вера стояла в коридоре больницы и смотрела на дверь палаты, куда её не пускали уже третий час. В руках она машинально крутила старые часы отца — те самые, что он обещал отдать ей «когда-нибудь потом». Теперь «потом» наступило, но отец не мог сказать ни слова: после инсульта он почти не приходил в себя. Вера знала, что за дверью сейчас решается что-то важное, и от этого знания ладони становились ледяными.

Эти часы передавались в их семье по наследству. В них была закрыта тайна, которую ещё никто не смог разгадать. Дед Веры давно умер, бабушки тоже не было в живых. Но с этими часами было связано много интересных, даже немного мистических моментов.

Вера провела пальцем по потёртой крышке. На внутренней стороне была выгравирована странная надпись — не дата и не имя, а фраза на незнакомом языке, которую дед называл «ключом». Он часто повторял: «Эти часы помнят больше, чем люди. Но откроются только тому, кто не побоится услышать». Бабушка при этих словах всегда крестилась и уходила на кухню. А однажды, в детстве, Вера проснулась ночью и увидела, как дед сидит за столом и слушает часы, приложив их к уху. Стрелки тогда шли назад — медленно, но явно. Дед заметил её, улыбнулся и сказал: «Не бойся. Они просто листают старые страницы». Утром часы снова шли как обычно.

Сейчас, в больничном коридоре, Вера вдруг отчётливо услышала тиканье. Хотя ещё минуту назад часы молчали — она сама заводила их утром, и они остановились к полудню. Вера поднесла их к уху. Тиканье было неровным, будто внутри кто-то с трудом переводил дыхание. И в этот момент из палаты вышел врач.

По выражению его лица Вера поняла всё без слов. Сердце её рухнуло, будто провалилось в глубокую яму и перестало стучать.

— Мне очень жаль, — сказал мужчина в белом халате. — Мы сделали всё, что могли. Примите мои соболезнования.

Вера не заплакала. Она стояла, прижав часы к груди, и чувствовала, как внутри что-то медленно оседает — как пыль после обвала. Слова врача доходили до неё будто через толщу воды. «Соболезнования… всё, что могли…» Она кивнула, хотя не помнила, как согласилась. Мужчина в белом халате ещё что-то говорил, но Вера уже не слышала его.

Именно в этот момент часы в её руках громко тикнули. Один раз. Отчётливо, будто кто-то щёлкнул пальцами у самого уха. Вера вздрогнула и посмотрела на циферблат. Стрелки стояли — но не на том времени, что было сейчас. Они показывали три часа ночи. Ту самую ночь, когда дед сидел за столом и слушал часы. Вера помнила это так ясно, будто это было вчера:

запах чая с мятой, жёлтый свет лампы, дедовы руки, бережно держащие часы. И его слова: «Они просто листают старые страницы».

Вера подняла глаза. В конце коридора, у окна, стояла фигура в старом пальто. Слишком знакомая осанка. Слишком знакомый поворот головы. Фигура не двигалась, только смотрела в её сторону — и Вера вдруг поняла, что не боится. Потому что часы в её руках снова тикнули, и стрелки сдвинулись на одну минуту вперёд.

Это был дед. Она чётко увидела его силуэт. Его глаза смотрели прямо на неё. Вере стало немного не по себе. И только она хотела подойти, как видение растворилось в воздухе больничного коридора, словно и не бывало.

Вера ещё несколько секунд смотрела на пустое место у окна. В коридоре было тихо — только где-то далеко гудел лифт да капала вода из неплотно закрытого крана. Она опустилась на больничную скамейку, не выпуская часы из рук. Пальцы сами нашли маленькую защёлку на крышке — ту самую, которую дед запрещал трогать: «Не время ещё». Но сейчас, когда его не стало, Вера вдруг поняла: время пришло.

Она нажала на защёлку. Крышка открылась с тихим щелчком, и Вера увидела то, чего не замечала раньше: на внутренней стороне крышки был выгравирован маленький треугольник, а под ним — три слова, нацарапанные дедовой рукой: «Спроси у реки». Вера нахмурилась. Какая река? Они жили в городе, где не было ни одной реки — только старый канал за вокзалом, который давно засыпали. Но дед вырос в деревне, о которой почти не рассказывал. И бабушка однажды обмолвилась: «Он там оставил больше, чем просто дом».

Часы в её руках снова тикнули. На этот раз стрелки сдвинулись не на минуту — они сделали полный круг и остановились на времени, которое Вера не сразу узнала: половина шестого утра. Именно в этот час дед каждое лето уходил из дома — «подышать», как он говорил. И возвращался всегда с мокрыми руками.

Глава 2. Свет в квартире

После похорон молодая женщина поехала в квартиру отца. Посидела, погоревала, и незаметно так уснула. В какое-то мгновение комнату озарило ярким светом. Вера открыла глаза, не сразу понимая, что же это такое. Она не могла поверить своим глазам. От часов, которые лежали на столе, шёл удивительно яркий и чистый свет. Она встала, подошла к столику и протянула руку. Но в это мгновение всё прекратилось. Словно выключили свет. А было уже поздно и довольно темно.

Вера постояла ещё немного в темноте, чувствуя, как сердце постепенно замедляется. Свет был не просто ярким — он был тёплым, почти живым, и от него пахло… рекой. Мокрой травой, тиной, свежестью — тем самым запахом, который она помнила с детства, хотя в городе такого не было. Она включила лампу. Часы на столе выглядели как обычно: старый корпус, потёртые стрелки. Но когда Вера взяла их в руки, она заметила на крышке маленькую каплю воды. Настоящую, холодную. Она скатилась ей на ладонь и исчезла, будто её и не было.

Вера села обратно на диван, не выпуская часы. Сон не шёл. В голове крутились слова деда: «Спроси у реки». И бабушкино: «Он там оставил больше, чем просто дом». Она достала телефон, открыла карту. Деревня, где родился дед, называлась Тихое — маленькая точка в

нескольких часах езды от города. Вера никогда там не была. Отец не любил об этом говорить, а дед только отшучивался: «Там всё осталось, как было. Только нас уже нет».

Она посмотрела на часы. Стрелки стояли на половине шестого утра. И в этот момент Вера поняла, что не сможет уснуть, пока не увидит эту реку. Она набрала номер — тот самый, что был записан в старом блокноте отца под словом «дом». Гудки шли долго. Потом в трубке щёлкнуло, и женский голос с хрипотцой сказал: «Алло? Кто это?»

Вера представилась. Но, кажется, ей были не рады. Строгий голос пожилой женщины, судя по всему, ей совсем не понравился. И даже её признание в том, что она реальная внучка покойного деда Ивана, не подействовало смягчающе на неприветливую тётку.

— Внучка, значит, — сухо повторила женщина. — А чего ж ты раньше не приезжала? Дед твой двадцать лет ждал. Всё глаза на дорогу смотрел — не идёт ли кто.

Вера растерялась. Двадцать лет? Она и не знала, что дед вообще кого-то ждал. Отец говорил, что тот был нелюдимым, что в деревню они не ездили, потому что «там всё прогнило». Но сейчас в голосе женщины звучала не злость, а старая, застарелая обида, будто её саму когда-то оставили ждать.

— Я… я не знала, — тихо сказала Вера. — Отец мало рассказывал.

— Ага. Значит, и отец твой молчал. Всё в семье молчуны, — женщина тяжело вздохнула, и в трубке что-то скрипнуло — видимо, она села на старый стул. — Чего тебе надо-то, внучка? Похоронили деда — и ладно. Чего теперь звонишь?

Вера посмотрела на часы в своей руке. Стрелки всё ещё стояли на половине шестого утра. И она решилась:

— Он оставил мне часы. И сказал: «Спроси у реки». Вы знаете, что это значит?

На том конце провода стало тихо. Так тихо, что Вера услышала, как в трубке потрескивает провод. Потом женщина произнесла — медленно, с расстановкой:

— Значит, всё-таки отдал. А я думала, он до конца будет молчать. Приезжай, внучка. Только не одна. С часами приезжай. И знай: тут тебе не больница, тут всё по-другому.

И повесила трубку.

Глава 3. Дорога в Тихое

Вера собирала вещи. Ждать было некогда. Мозг кипел. Хотелось узнать как можно больше.

Она кинула в сумку первое, что попалось под руку: свитер, зарядку, старый блокнот отца — тот самый, где был записан номер. Часы завернула в шарф и положила сверху, как самое ценное. Руки дрожали, но не от страха — от нетерпения. Слишком много вопросов накопилось за один вечер. Кто эта женщина? Почему дед ждал двадцать лет? И главное — что такого было в этих часах, что они светились в темноте, пахли рекой и показывали время, которого нет?

Вера уже стояла в дверях, когда взгляд упал на отцовский письменный стол. Ящик был приоткрыт — она сама его открывала днём, искала документы. Но теперь там, на самом виду, лежала старая фотография. Чёрно-белая, с заломленным углом. На ней — молодой дед Иван, ещё без седины, стоит на берегу реки. Рядом с ним — высокая женщина в платке, а на руках у неё — маленький мальчик. Отец Веры. Она узнала его по глазам. А на обороте фотографии было написано карандашом, выцветшим, но разборчивым: «Тихое. Лето 1968. Не забывай дорогу назад».

Вера перевернула фотографию. Внизу, совсем мелко, была приписана ещё одна строка — другим почерком, более резким: «И не приводи сюда тех, кто не верит».

Она сунула фотографию в карман, выключила свет и вышла из квартиры. Часы в сумке тихо тикнули — один раз, будто прощаясь с городом.

Вера вызвала такси. Несмотря на боль утраты по отцу, её охватывало непреодолимое желание скорее во всём разобраться.

Такси приехало через десять минут. Водитель, пожилой мужчина с усталыми глазами, молча кивнул на сумку и открыл багажник. Вера села на заднее сиденье и назвала адрес — деревня Тихое, улица Заречная. Водитель на секунду замер, посмотрел на неё в зеркало заднего вида и спросил:

— В Тихое? Ночью? Там же сейчас ни души. Все спят давно.

— Мне нужно, — коротко ответила Вера.

Он больше не спросил ничего. Только вздохнул и повернул ключ зажигания.

Дорога шла через город, потом через поля — тёмные, пустые, только редкие огни деревень мелькали вдали. Вера смотрела в окно и чувствовала, как часы в сумке становятся тёплыми. Не горячими — просто тёплыми, как ладонь. Она достала их, не вынимая из шарфа, и приложила к стеклу. Стрелки стояли на половине шестого. Но когда машина проезжала мимо старого указателя с облезлой надписью «Тихое — 2 км», они вдруг дёрнулись и сдвинулись на одну минуту вперёд.

— Приехали, — сказал водитель и остановился у тёмного дома с резными наличниками. — Только я дальше не поеду. Тут дорога плохая. И… — он замялся, — вы осторожнее, девушка. Тихое — оно тихое только на карте.

Вера расплатилась, вышла из машины. Такси уехало, и стало совсем тихо. Ни ветра, ни собачьего лая. Только где-то далеко, за домами, плескалась вода. Река. Та самая, которую она никогда не видела, но запах которой помнила с детства.

На крыльце одного из домов горел свет. Дверь открылась, и на порог вышла та самая женщина — высокая, в тёмном платке, с лицом, будто вырезанным из старого дерева. Она смотрела на Веру без улыбки, но и без злости. Просто смотрела.

— Долго же ты ехала, — сказала она. — Заходи. Часы с собой?

Глава 4. Аграфена

Вера замешкалась. Никогда не была тут, а сейчас нужно открыть дверь и войти в дом. Да и женщина эта странная какая-то.

Вера переступила порог и сразу почувствовала: в доме пахло не пылью и старьём, как она ожидала, а сушёными травами, воском и чем-то ещё — тёплым, неуловимо знакомым. Женщина посторонилась, пропуская её в сени, и закрыла дверь на тяжёлый кованый засов. Внутри было чисто и просто: побеленные стены, длинный деревянный стол, лавки вдоль стен. В красном углу — иконы, перед ними — лампадка. А на столе, в центре, лежала большая старая книга в кожаном переплёте, и рядом — ещё одни часы. Точь-в-точь такие же, как у Веры, только больше и темнее.

— Садись, — сказала женщина, кивнув на лавку. — Меня зовут Аграфена. Можно просто Аграша. Я тут одна живу. Уже давно.

Вера села, не выпуская свою сумку. Аграфена неторопливо достала с полки две глиняные кружки, налила из самовара — не спрашивая, хочет ли гостья, — и поставила одну перед Верой. Потом села напротив, сложила руки на столе и посмотрела прямо.

— Ну, показывай.

Вера достала часы из шарфа и положила на стол. Аграфена долго смотрела на них, не прикасаясь. Потом протянула руку и провела пальцем по крышке — медленно, будто здоровалась. Часы тикнули. Один раз. Аграфена подняла глаза:

— Значит, он всё-таки сказал тебе: «Спроси у реки».

— Сказал, — тихо ответила Вера. — Только я не понимаю, что это значит.

Аграфена откинулась на спинку лавки и вздохнула так тяжело, будто собиралась рассказать нечто, что ей самой давно не даёт покоя.

— Твой дед, Иван, был не просто человеком. Он был хранителем. И часы эти — не для того, чтобы время показывать. Они показывают то, что человек забыл. Или хочет забыть. А река… — она помолчала. — Река у нас особенная. Она помнит всех, кто в ней когда-либо отражался. И если часы тебя к ней зовут — значит, пришло время что-то вспомнить. Или кого-то вернуть.

Вера, как заворожённая, слушала собеседницу, медленно попивая чай с травами. Невероятно вкусный! Такой она ещё не пила никогда. Тепло разливалось по телу — не просто приятное, а какое-то правильное, будто тело вспоминало этот вкус. Аграфена заметила её выражение и чуть заметно усмехнулась:

— Чай не простой. Травы тут собираю сама. Иван научил. Говорил, что чай должен не просто согревать, а память будить. — Она помолчала. — Ты пьёшь, а сама думаешь: «Что за старуха, чего ей надо?» Это правильно. Осторожность — она не лишняя. Особенно здесь.

Вера поставила кружку и посмотрела Аграфене прямо в глаза:

— Вы сказали: «вернуть». Кого вернуть? Деда?

Аграфена покачала головой. Медленно, будто ей было тяжело это говорить.

— Деда твоего уже не вернуть. Он своё отжил, и ушёл, как положено. А вот то, что он не успел сказать… это можно вернуть. Или, точнее, — она подняла палец, — узнать. Река помнит. И часы помнят. Но они не открываются просто так. Нужно, чтобы ты сама вспомнила что-то важное. То, что ты забыла. Или то, что тебе не говорили.

— Я ничего не помню, — честно сказала Вера. — Я даже не знала, что дед был здесь кем-то… хранителем.

Аграфена кивнула, будто ждала этих слов:

— Потому что тебе и не говорили. Твой отец боялся. Он хотел тебя уберечь — от этой деревни, от реки, от часов. Но от судьбы не убережёшь. — Она наклонилась ближе. — Скажи мне, Вера. Когда ты была маленькой, тебе никогда не снился сон про воду? Про то, как ты стоишь на берегу, а кто-то зовёт тебя по имени? Голос знакомый, но ты не можешь вспомнить, чей он?

Вера замерла. Кружка в её руках дрогнула, и чай плеснул на стол. Она смотрела на Аграфену, но видела перед собой не её, а ту воду — чистую, зеркальную, с отражением облаков. И белое платьице, и косички, и босые ноги в тёплой воде.

— Снился, — тихо сказала она. — Но это был не просто сон. Я… я как будто чувствовала дно под ногами. Песок. И вода была тёплая, как парное молоко. А на берегу кто-то стоял. Я не видела лица, только тень. Но мне не было страшно. Наоборот — хорошо. Так хорошо, что я потом плакала, когда просыпалась.

Аграфена медленно кивнула. Её глаза блеснули — не от слёз, а от чего-то похожего на давно сдерживаемое удовлетворение.

— Значит, ты там была. Не во сне. Наяву. Маленькой совсем. Тебя привозили сюда, Вера. Тайком. Отец твой привозил, пока дед был жив. А потом перестал. — Она помолчала. — Ты, наверное, не помнишь, потому что тебе было года три, не больше. Но река тебя запомнила. И часы запомнили. И дед — он до последнего дня ждал, что ты вернёшься сама.

Вера почувствовала, как к горлу подкатывает ком. Она не знала, плакать ей или злиться. Столько лет — и никто ничего не сказал. Ни отец, ни дед.

— Почему? — только и смогла выговорить она. — Почему мне не говорили?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.